

Культурология

УДК 008:791.43

С.Е. Елисеева

А.Р. Узбякова

Елисеева Софья Евгеньевна, студентка 2 курса факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, пр-т Вернадского, 76), e-mail: sveliseeva01@gmail.com

Узбякова Алина Руслановна, студентка 2 курса факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, п-т Вернадского, 76), e-mail: alina_uzbyakova@mail.ru

Научный руководитель: **Нелидов Владимир Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, пр-т Вернадского, 76), e-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

ОБРАЗ ГОДЗИЛЛЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ

В статье исследуется фильм «Годзилла» (1954 г.) как аллегория послевоенной национальной травмы и ядерной угрозы. Авторы анализируют кризис идентичности японского общества в контексте амбивалентности ролей жертвы и агрессора. Кинокартина позиционируется как социокультурный механизм рефлексии нации над своей ролью во Второй мировой войне.

Ключевые слова: кинематограф, послевоенная Япония, национальная травма.

S.E. Eliseeva

A.R. Uzbyakova

Eliseeva Sofiya Evgevnevna, 2nd-year student of the Faculty of International Relations of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (76, Vernadskogo Prospekt, Moscow), e-mail: sveliseeva01@gmail.com

Uzbyakova Alina Ruslanovna, 2nd-year student of the Faculty of International Relations of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (76, Vernadskogo Prospekt, Moscow), e-mail: alina_uzbyakova@mail.ru

Scientific supervisor: **Nelidov Vladimir Vladimirovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Asian and African Studies at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (76, Vernadsky Prospekt, Moscow), e-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

THE IMAGE OF GODZILLA AS A REFLECTION OF POST-WAR NATIONAL TRAUMA

The article examines the film «Godjira» (1954) as an allegory of post-war national trauma and the nuclear threat. The authors analyze the identity crisis of Japanese society within the context of the ambivalent roles of victim and aggressor. The motion picture is positioned as a socio-cultural mechanism for the nation's reflection on its role in World War II.

Key words: cinematography, post-war Japan, national trauma.

В октябре 1954 г. впервые в прокат вышел фильм режиссера Хонда Исиро «Годзилла», который рассказывает о гигантском доисторическом монстре. Некоторые исследователи полагают, что этот образ был полностью заимствован из японского фольклора, так как огнедышащая рептилия

перекликается с легендами о драконах, которые довольно распространены в традиционном искусстве Японии. Однако образ Годзиллы можно интерпретировать и по-другому. С одной стороны, это олицетворение страха и уязвимости перед силами природы: землетрясением, цунами и извержением вулкана. С другой – воспоминания о событиях Второй мировой войны [9, р. 16–18].

Во время оккупации тема ядерного оружия строго регулировалась оккупационной администрацией Макартура. Так, например, оператор Суэо Иноуэ, снимавший разрушения в Хиросиме и Нагасаки, был арестован военной полицией США, а все его материалы конфисковали [2, р. 5–6]. Только после завершения оккупации этот вопрос стал активно освещаться в СМИ. Важно отметить, что незадолго до выхода фильма тема последствий применения ядерного оружия вновь заняла одно из центральных мест в медиапространстве.

Создание Годзиллы было непосредственной реакцией на конкретные исторические события. В марте 1954 г. США провели испытание водородной бомбы «Касл Браво» на атолле Бикини. Японское рыболовное судно «Дайго Фукурю-мару», в переводе – «Счастливы Дракон № 5», оказалось слишком близко к зоне взрыва, из-за чего вся команда получила тяжелую лучевую болезнь. Кроме того, зараженный тунец попал на рынки, что спровоцировало общественный резонанс и усилило антиядерные настроения [4, р. 115]. Этот инцидент реанимировал травму Хиросимы и Нагасаки, которая ранее находилась в состоянии коллективного забвения, объединил разрозненные коммеморативные практики, что впоследствии стало неотъемлемой частью послевоенной японской идентичности [7, р. 353]. Несмотря на то, что прямых упоминаний об ответственности Соединенных Штатов в фильме нет, в самом начале продюсер делает отсылку к инциденту 1954 г., назвав первую лодку, которая была уничтожена Годзиллой, «Эйко-мару». На спасательном круге в кадре также можно увидеть надпись «№ 5» [6, р. 4].

Однако, если выйти на уровень более широкого обобщения, образ чудовища символизирует не конкретные трагические события, а скорее, служит аллегорией ядерной угрозы в целом. Монстр, пробужденный ядерными испытаниями, олицетворяет неконтролируемую, разрушительную силу атомной бомбы. Режиссер фильма хотел найти способ сделать радиацию видимой, поэтому внешний вид Годзиллы был связан с выжившими после бомбардировок Японии. Его кожа напоминает келоидные рубцы и ожоги, от которых страдали хибакусы – жертвы ядерного взрыва в Хиросиме и Нагасаки [9, р. 33]. Кроме того, и сам Годзилла распространяет радиацию, заражая пространство. После появления монстра на острове Одо группа ученых обнаруживает радиоактивное загрязнение грунтовых вод. Этот момент также нашел отклик у зрителей, так как отражал тему зараженного тунца, которая не так давно широко обсуждалась в СМИ [9, р. 27–28]. Таким образом, тело монстра является метафорой разрушающего воздействия облучения.

Годзиллу как мутировавшее существо можно рассматривать в качестве метафоры «инвалидизированной» нации, травмированной войной и атомными бомбардировками. Травма влияет на телесность – как индивидуальную, так и коллективную. Под коллективной телесностью понимается не столько физический аспект, сколько концепция тела нации (кокутай), которая определяла уникальную сущность японского государства как священной страны, имеющей божественных предков, и служила основой национальной целостности в довоенный период. С ростом популярности националистических идей в XX в. в исследованиях все чаще предпринимались попытки обосновать японское национальное своеобразие – это все в итоге должно было способствовать мобилизации японцев накануне Второй мировой войны [1]. В послевоенные годы концепция кокутай исчезла и из государственного нарратива, и из повседневных практик. Атомные бомбардировки повредили целостность этого национального тела, уничтожив как его территорию, так и население, что привело к нарушению

идеологического единства [3, р. 26]. В этом контексте изуродованная фигура монстра отражает «разрушение границ» тела и кризис идентичности нации.

Этот кризис выражается и в амбивалентности между позицией жертвы и агрессора. Годзилла, с одной стороны, – жертва человеческой агрессии, с другой – сам становится разрушительной силой, угрожающей людям. Эта двойственность отражает ключевое противоречие, существовавшее в обществе: осознание себя как жертвы атомных бомбардировок и в то же время как бывшего агрессора в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Послевоенные японские фильмы (в том числе и «Годзилла», который делает акцент на чудовище как на внешней, непреодолимой силе) свидетельствуют о том, что японцы все-таки склонны рассматривать себя, прежде всего, с позиции жертвы войны. В первую очередь это связано с мнением, что японский народ не разделял действий военного руководства. Согласно предположениям некоторых ученых, если бы у японского правительства была атомная бомба в период войны, то оно использовало бы ее против Соединенных Штатов, чего нельзя сказать об обычном населении. Поэтому создание идеологической установки страдания без вины и выстраивание антиядерной позиции вполне объяснимы [8, р. 146]. Более того, это позволило обществу дистанцироваться от своего милитаристского прошлого и сместить акцент с событий войны на ее завершение [5, р. 48]. Фильм «Годзилла» стал отражением этих настроений.

По словам современников, японские зрители восприняли фильм довольно серьезно, во время сцен с разрушением Токио и последующей гибелью Годзиллы зал погружался в молчание. Некоторые зрители покидали кинозал в слезах [9, р. 111]. Акира Ифукубэ – музыкальный руководитель проекта – считал, что для его поколения Годзилла стал упрекающим символом, который воплощал души японских солдат, погибших в Тихом океане во время Второй мировой войны [4, р. 115–117].

Таким образом, Годзилла – это не просто художественный персонаж, это сложная культурная метафора, которая отражает историческую память и

идентичность японского народа. В образе чудовища удалось воплотить и ужас перед ядерной угрозой, и тревогу касательно технологического прогресса, и рефлексию народа над собственной исторической ролью. Годзилла служит важным культурным механизмом для осмысления национальной травмы.

Список источников

1. Язовская, О.В. Концепция национальной сущности кокутай как основа национального самосознания Японии // Электронное научное издание. Альманах «Пространство и Время». – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-natsionalnoy-suschnosti-kokutay-kak-osnova-natsionalnogo-samosoznaniya-yaponii> (12.04.2026).
2. Braw, M. The Atomic Bomb Suppressed: American Censorship in Japan, 1945-1949. – N.Y., 1991.
3. Espeland, A. The Specter of War in Contemporary Japan: Unclaimed Trauma, Contesting Masculinities, and the Disintegrated (National) Body in Ichi the Killer // Film Matters. – 2014. – Т. 5. – № 2. – С. 24-29.
4. Igarashi, Y. Bodies of memory: narratives of war in postwar Japanese culture, 1945-1970. – N.J., 2000.
5. Low, M. The birth of Godzilla: Nuclear fear and the ideology of Japan as victim // Japanese Studies. – 1993. – Т. 13. – № 2. – С. 48-58.
6. Marshall, A. Godzilla's Nuclear Narratives: The 1954 Japanese Original vs. the 21st Century American Trilogy // Communication and Media in Asia Pacific (CMAP). – 2022. – Vol. 5. – № 2. – P. 1-14.
7. Saito, H. Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma // Sociological Theory. – 2006. – Т. 24. – № 4. – С. 353-376.
8. Shunsuke, T. An Intellectual History of Wartime Japan, 1931-1945. – N.Y., 2010.
9. Tsutsui, W. Godzilla on my mind: fifty years of the king of monsters. – N.Y., 2004.